

Русский

Алеккин

Елена Миронова

ВОРОВКА

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Елена Миронова

Воровка

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=597725

Воровка: Центрполиграф; М.; 2007
ISBN 978-5-9524-3084-6

Аннотация

Настя получает письмо от своей младшей сестры Юлии, которая убеждена, что муж ей изменяет, и просит ее проследить за ним. Настя лезет в квартиру зятя через балкон, рассчитывая по обстановке определить, есть ли у него другие женщины. Однако она случайно попадает в соседнюю квартиру, где натывается на возмущенных хозяев...

Содержание

Воровка	4
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Елена Миронова

Воровка

Наверное, я все же поправилась. С трудом перевалилась через перила балкона и задышала, высунув язык, словно собака на солнцепеке. Мало приятного, когда тебе кто-то зло-радно сообщает, что ты с трудом помещаешься в вечернее платье, но еще хуже, когда ты внезапно сама сознаешь, что пришло время – и не собирать камни, а худеть. Как правило, подобная перспектива повергает в уныние даже самую жизнерадостную барышню. Права была Светка, когда вслух рассуждала о том, что мне пора налегать не на блинчики с медом и со сметаной, а на овощные и фруктовые салатики. Однако кто будет слушать свою младшую сестрицу, тощую, как селедка?

Я вздохнула, отдышалась, прижалась к стене и осторожно толкнула балконную дверь. Так и есть – открыта! Хозяйева настолько беспечны, что даже уезжая забывают закрыть балкон на простейшую задвижку. Вероятно, считают, что воровство, как и другие несчастья, их не коснется. Но одно дело – быть уверенным в лучшем просто потому, что тебе так хочется, и совсем другое – если ты принял меры к сохранению своего имущества и здоровья. Лично мне больше импонирует второй подход, он куда более надежен. Да вдобавок

в моем возрасте начинаешь понимать, что фраза: «Меня не коснутся невзгоды и неудачи» – несколько... ммм... дутая. Всех касаются, между прочим. Можно об этом не думать, но подстраховаться просто необходимо.

Я вошла в комнату и огляделась. Да, все именно так, как и рассказывала сестра, – дорогая мебель, люстра и телефон с претензией на антикварность, настоящий домашний кино-театр с огромными колонками вместо обычного телевизора. Красиво, ничего не скажешь, но уж слишком безлико. Так обставляют свои квартиры люди, у которых нет собственного стиля. Они вполне обеспечены и хотят, чтобы у них все было не хуже, чем у других, таких же обеспеченных соседей и друзей. В результате тупо копируют чужие гостиные, и получается как при социализме – все квартиры одного круга людей стандартные. О, если бы мне кто-нибудь заказал дизайн какого-то помещения или просто всучил некоторую сумму денег и попросил придумать нечто такое, что было бы уютно и не повторяло чужой стиль! Я бы забабахала такой вариант... Мечты, мечты! Кто же мне сделает заказ, тем более сейчас, когда я – персона нон грата в кругах модных дизайнеров? И все из-за какой-то чепухи. Ну подумаешь, совершила ошибку – и то неумышленно. А что, их никто и никогда не совершает? Как говорится, ошибка в жизни – не беда, беда – когда вся жизнь ошибка! Я же ошиблась один раз, но этого оказалось достаточно, чтобы на меня показывали пальцем и заказчики обходили меня десятой дорогой... Я снова насту-

пила себе на большую мозоль и, обиженно сопя, постаралась побыстрее выбросить свою неудавшуюся карьеру из головы. Ничего, не везет с работой – повезет в любви. Это же банальный закон сохранения энергии: когда что-то отнимают в одном, прибавляется в другом. Жаль, что по отношению ко мне этот закон до сих пор не сработал, хотя после моего фиаско прошло уже полгода.

Я вздохнула в очередной раз, вспомнила, зачем я здесь, и пошла по коридору, заглядывая подряд во все комнаты, пока наконец не нашла спальню. Кстати сказать, неплохая квартира – большая, светлая, не загроможденная лишними вещами. Терпеть не могу, когда кто-то покупает себе огромную квартиру. Квартира кажется уютной до тех пор, пока этот кто-то не загромождает пространство каким-нибудь откровенным бараклом. Есть люди, не признающие свободных квадратных метров. Им надо, чтобы каждый уголок жилья был приспособлен для мебели, игрушек, дурацкой коллекции фарфоровых статуэток-пылесборников. Что это – воспоминания о детстве, проведенном в коммуналке? Хихикнув, я вдруг заметила толстого ухоженного котяру, лежащего на пуфике. Он увидел меня, лениво потянулся и махнул лапой. То ли это было приветствие, то ли совет убратся поскорее. Судя по прищуренным глазам красавца и недовольно развешивающемуся хвосту, скорее это был второй вариант. В любое другое время я бы возмутилась и провела с животным краткую воспитательную беседу, включающую в себя изгна-

ние паршивца с уютного пуфика, но сейчас мне было не до кота. Я внимательно разглядывала спальню.

Никаких привычных шкафов в ней не было, как не было ничего позволяющего предположить наличие в доме хозяйки. Это меня несколько удивило, если не сказать – озадачило. Огромная кровать под дурацким балдахином, маленький столик, приставленный к этому здоровому траходрому (когда я смотрела на этот здоровенный предмет мебели, в голову лезли мысли исключительно о сексе), плазменная панель телевизора на стене, у окна какой-то дурацкий комодик, большое зеркало на другой стене – вот и все. Ну так чем же тут еще можно заниматься, а? Внезапно я заметила другую дверь, ведущую из спальни. Осторожно открыла ее и оказалась в гардеробной. О, так вот почему в спальне нет никаких шкафов! И в самом деле, гораздо приятнее разглядывать свои наряды в просторной, светлой комнате, в которой они аккуратно развешаны на плечиках, а плечики, в свою очередь, пристроены на металлические длинные серебристые вешалки, чем ковыряться в темном шкафу, выуживая одно мягкое платье за другим и судорожно вспоминая, что это, второе, платье вы уже вряд ли когда-нибудь наденете, потому что два года оно пряталось в темном углу, а нынче вы поправились на три размера. Я вошла в гардеробную, любовно поглядела на яркие вещи – ну какая женщина откажется от возможности пошуршать в чужом гардеробе? Вещи и вправду были хороши, однако совсем не в моем вкусе

– длинные платья, отделанные стеклярусом, кофточки с воротниками из перьев, футболки со стразами, составляющими целые сияющие фразы. Я никогда не любила одеваться вычурно, дорогая простота – вот мой стиль. Поэтому я злобно порадовалась отсутствию вкуса у хозяйки квартиры.

Прикинула к себе пару маечек, пришлось признать, что мои мысли о похудении были отнюдь не лишними... Эх, знала бы я, что все так повернется, не уминала бы блинчики с мамиными пирогами назло Светке, вечно сидящей на диете. Однажды летом я поправилась на целый размер. Если быть честной – на целых полтора. И до сих пор не могу сбросить проклятые шесть кило! Хотя... кому понравится, что твоя младшая сестра вышла замуж раньше тебя, мало того что вышла замуж – и муж у нее замечательный, и дом, и даже ребенок появился – толстый и лысый. Не то чтобы я завидовала или ненавидела сестру из-за этого, просто мы со Светкой никогда не дружили, хотя разница между нами всего в три года. Светка всю жизнь пыталась соперничать со мной – первая нашла себе подходящего мужа, первая устроилась в жизни, да что там – у нее все было великолепно... И вот теперь, когда мне выпал шанс отомстить за свою поруганную юность, за мамины вздохи и жалостливые взгляды, направленные на меня, за Светкино высокомерное презрение – мол, младшая сестра оказалась куда успешнее старшенькой, – ничего не выходило. Не то чтобы я была такой завистливой сукой и негодяйкой – ничего подобного! Это только в книгах

сестры дружат до умопомрачения и жертвуют друг другу новые юбки и первую любовь. Такие уж они великодушные – если старшая в курсе, что младшая без ума от ее кавалера, то старшая безоговорочно капитулирует, чтобы не мешать счастием младшенькой. Дурдом! Мне подобная мысль даже в голову не могла бы прийти! Все мои подруги, имеющие сестер, жили с ними примерно так же, как мы со Светкой – в полосе отчуждения. Никаких особых родственных чувств никто друг к другу не испытывал, старшие не водили младших в кафе и цирк, младшие не хвастались в кругу одноклассников и подруг, что у них есть старшие сестры. Так и мы со Светкой – всю жизнь жили в одной комнате, нам поневоле приходилось сталкиваться по многу раз в течение дня, но чаще всего мы молча протискивались друг мимо друга и равнодушно передавали за завтраком масло или джем. Мне и в голову не приходило, что могут быть иные отношения, пока я не прочла какую-то книгу. Там сестры друг друга любили и друг о друге заботились. Младшая восхищалась старшей и стремилась быть во всем на нее похожей, а старшая с удовольствием гуляла с младшей и дарила ей всякие красивые вещи.

В тот момент я осознала, что книжные или киношные отношения гораздо лучше и однозначно приятнее тех, которые воцарились в нашей семье между детьми, и решила действовать. Для начала я подарила Светке свой фирменный рюкзачок, который ей безумно нравился. Затем позвала ее с собой пройтись по набережной. В тот момент я дружила

с одноклассником, и на прогулку меня звал он. Мы гуляли по набережной втроем, и Светка с удовольствием щебетала, смеялась и казалась счастливой. Через неделю новой жизни я узнала, что мой одноклассник влюбился в мою сестру и всю эту неделю они встречались тайком, за моей спиной. Мне было семнадцать, Светке – четырнадцать... После этого мое желание исправить наши отношения полностью улетучилось. Мне захотелось уничтожить маленькую дрянь, но в отместку я лишь порвала рюкзачок, который недавно ей сама же подарила. И началось: между нами вспыхнула настоящая война, до этого вялотекущая и холодная, а теперь разгоревшаяся в настоящий пожар. Родители за голову хватались, глядя, с каким остервенением мы делаем друг другу гадости. Светка таскала у меня из шкафа одежду и возвращала ее в непригодном виде, я прятала ее учебники, чтобы она не могла выполнить домашние задания и получала плохие оценки. Она обнаруживала каждого моего поклонника и пыталась переманить его себе, а тех, которые оставались стойкими к ее чарам, просто отпугивала, рассказывая обо мне гнусные небылицы. Мы с остервенением пытались уничтожить друг друга – не физически, конечно, но было в наших боевых действиях сладкое подспудное желание больше не видеть сестру никогда в жизни. Поэтому сейчас, выполняя ее просьбу, я со злорадным удовольствием снова ла по комнатам, пытаюсь найти то, что ей точно не понравилось бы... С каждым дополнительным квадратным метром

шансы на это становились все меньше и меньше. И все же я старалась не унывать: надо просто знать, что искать, где, и, главное, делать это как можно тщательнее! Я вернулась в спальню и обнаружила на туалетном столике гору косметики и парфюмерии. Ладно, сейчас мне некогда разбираться с этим, вернусь сюда после того, как полностью осмотрю квартиру, а потом уже прикину, может ли косметика принадлежать хозяйке, или она в этом доме – временное явление. Моей целью была отнюдь не косметика...

Не желая сдаваться, я рванула в ванную – а вдруг? Но и в огромном санузле, сверкающем кафелем и позолотой, не было ничего особенного, кроме стандартного набора: какого-то крема, шампуня, кондиционера – и нескольких средств для ванны: пены, мыла Lush, бритвенного станка и странного вида бутылочки. Правда, на столике стояли три толстые свечи.

Мне даже показалось, что хозяин квартиры – холостяк или разведенный, хотя такого просто не могло быть. Вся эта история меня здорово расстроила. Мне было бы куда спокойнее (и, если честно, приятнее), увидь я лифчик на витиеватой спинке стула или разбросанные по полу женские трусики рядом с презервативами. Или просто распотрошенную постель, пахнущую утренним сексом, – любые следы пребывания женщины – от длинного волоса на идеально чистой расческе, лежащей на полочке в ванной, до надписи губной помадой на стекле. Что там обычно пишут одноразовые лю-

бовницы? Свой номер телефона? Или: «Не звони мне больше»? Ну, второе пишут в случае, если одноразовый секс не оправдал себя. Вообще, ванная казалась стерильной. Нигде не валялись халаты, полотенца и тапочки. Да уж, щедрый хозяин, ничего не скажешь. Если у него есть любовницы, они шлепают босиком по холодному кафелю, а потом по паркету, пока не доплетутся до спальни. Впрочем, их здоровье – не мое дело.

Разочарованная, я вернулась в хозяйскую спальню. Надо было еще пошариться среди косметики – а вдруг именно там я обнаружу искомое? Вдруг на что-то наткнусь? Например, на духи или помаду, которых здесь быть попросту не может, только лишь потому, что они совершенно не во вкусе сестры?

Я внезапно повернулась и заметила в прихожей большой шкаф с раздвижными дверцами. К нему-то я и направилась. С азартом, достойным лучшего применения, бросилась на амбразуру, начала ворошить вещи в шкафу, одновременно заглядывая в обувные коробки, стоящие тут же, в довольно приличном пространстве шкафа-купе. До меня только что дошло, что, кроме минимума женских вещей, в этой квартире непременно должны быть, просто обязаны быть еще и детские вещи! И если их нет, это означает только одно... Что именно это означает, додумать я не успела, потому что в этот самый момент щелкнул ключ в замке и я с ужасом увидела движение дверной ручки на входной двери. Думать бы-

ло некогда. Я ловко прыгнула в шкаф и спряталась за мужским пальто. В прихожей раздался топот и грохот. И хотя я так и не успела рассмотреть содержимое шкафа, сейчас мне до него не было никакого дела. Господи, кто это так грохочет? Неужели пришли несколько человек и привели с собой слона? И что мне теперь делать? Выпорхнуть из шкафа, сделать вид, будто я расправляю крылышки, и признаться, что я – моль, просто моль? А потом так же изящно вспорхнуть с балкона? Несмотря на серьезность ситуации, я фыркнула. На самом деле особого трагизма в этом не было: хозяин квартиры видел меня один раз, и, надеюсь, вспомнит. Не в этом дело, просто мне придется объяснить не только причину своего визита, но и рассказать, что в квартиру я попала через балкон. И тогда мне зададут вполне резонный вопрос: «А почему через балкон, собственно, а не через дверь?» Вопрос, на который я ответить не смогу, не подставив Светку. Надо же, в кои-то веки во мне разыгрались сестринские чувства! И вдобавок в каком неподобающем месте... Я осторожно пошевелилась, устраиваясь поудобнее: все же мне не хотелось обнаруживать свое присутствие до тех пор, пока я не придумаю достойную версию своего появления из шкафа. Может, все же сделать вид, будто я приготовила сюрприз? Ну и что, что необычный – я по жизни оригинальная особа! Не люблю банальностей, и ведь сюрприз должен быть сюрпризом! Я прислушалась к разговору в прихожей.

– Странно, – задумчиво произнес незнакомый мужской

голос, – дверцы шкафа приоткрыты, неужели разошлись? Вот суки, а ведь обещали, что шкаф простоит как новенький пятьдесят лет! Кучу денег отдал за то, чтобы дверцы не открывались сами по себе – терпеть этого не могу!

– Да ладно, Сань, – это произнес кто-то другой, более миролюбивый, – может, ты сам утром открыл и забыл закрыть?

– Да я в этот шкаф уже неделю не заглядывал, – возмущился первый, – с тех самых пор, как на гастроли уехал.

Черт, он был на гастролях! Неужели Светка не знала об этом? Да быть такого не может! Вот почему я не нашла здесь ничего предосудительного – потому что хозяина не было целую неделю! И разумеется, он не мог водить сюда своих любовниц по той простой причине, что отсутствовал. И все же, неужели Светка забыла сказать мне о его гастролях? На нее это совсем не похоже, сестра всегда была крайне внимательна к мелочам. Например, отлично зная, что я терпеть не могу зеленый цвет, она однажды подарила мне на день рождения красивый свитер... зеленого цвета. Самое обидное, что вещь и вправду оказалась очень стильной и красивой. Но я, увы, как ни скрипела зубами, надеть его не смогла. Однако почему я не узнаю голос? Хотя, с другой стороны, я тоже видела и, соответственно, слышала Светкиного мужа всего один раз... Стоп. Какие гастроли, блин? Светкин муж – бизнесмен, а не актер. Или он называет гастролями командировку?

Над головой у меня раздался странный звук, похожий на

треск. В ту же секунду мне на голову сверху рухнуло тяжелое пальто (опять мужское, как я успела заметить), на которое я наступила коленкой, когда устраивалась поудобнее.

«Ну кто же вешает пальто на пластмассовые плечики», — подумала я, когда одна из сломавшихся половинок крепления пребольно треснула меня по голове. Двери тихонько за скрипели, открывая миру мои прелести, наполовину скрытые пальто. Напоминая самой себе неуклюжего и нелепого невезучего кота из мультика про Тома и Джерри, я выползла из шкафа в напряженное молчание прихожей, сбросила с себя пальто, словно фокусник, и подняла голову вверх, предварительно навесив на себя добродушно-широкую улыбку Шрека. И... ничего не произошло. То ли зять меня не узнал, то ли я так сильно изменилась с тех пор, но он не назвал меня по имени. И что самое неприятное, я тоже не узнала его среди трех мужчин, представших моему взору и молчаливо глядящих на меня. Рты у всех троих были приоткрыты, но у каждого по-разному. У стоящего ко мне ближе всех худого синеглазого брюнета рот был перекошен, как будто он собирался зевать, но я его спугнула, и он забыл сделать то, что хотел. Второй, белобрысый, похожий на крысенка-альбиноса, совсем молоденький, смотрел на меня с выражением ужаса, и даже его округленный, словно в немом крике, рот выражал то же самое чувство. Пока я смотрела на третьего, пытаюсь понять, что выражает его открытый рот, он успел его захлопнуть. Парень тоже был брюнетом, но только не синеглазым

и довольно коренастым. Его глаза походили на здоровенные черные смородины. Наверное, он единственный из всей троицы был похож на человека, который знает, что делать.

Я неуклюже поднялась, молчаливо сетуя, что нынешние мужчины совершенно невоспитанны: ну почему бы не подать мне руку, чтобы я поднялась с пола достойно, а?

Я только собралась поздороваться, как опомнился синеглазый брюнет:

– Е... (далее последовала непечатная речь)... кто это?

Белобрысый пожал плечами, а глаза-смородины вдруг воскликнул:

– Воровка!

Я было хотела возмутиться, но тут же сникла. Воровка вряд ли попала бы так бездарно. Так глупо, так по-дурацки, так нелепо влипнуть в неприятную ситуацию могла только я – неуклюжая и неудалая. Даже Светка, которая младше меня на три года, но куда сообразительнее, ни за что не попала бы. В крайнем случае она не стала бы прятаться в шкафу, а с видом королевы уселась бы в кресло, и тогда мужчины, путаясь и краснея, объясняли бы ей причины своего появления в этой квартире. Да уж, сестрица умеет обращаться с противоположным полом, не то что я... Самое обидное, что моего зятя среди этой троицы и вправду не было, так что положение становилось критическим. На одну секунду у меня даже мелькнула мысль о том, чтобы сбежать. А почему бы и нет? Входная дверь совсем рядом, только руку протя-

нуть, причем остается надежда, что на замок ее закрыть не успели. Я прикрыла глаза от возбуждения и уже представила, как выскакиваю за дверь и мчусь во весь опор по лестнице и эти мужчины, грохоча и топая, бегут за мной следом, но я прыгаю в какую-нибудь машину прямо перед их носом и успеваю не только унести вдаль, но на прощание нежно им улыбнуться из открытого окна и показать неприличный жест, который пропагандируется во всех молодежных американских фильмах. Увы, моим мечтам не суждено было сбыться. Мужчина с черными глазами, наверное, прочитал все на моем лице, потому что подскочил к двери и закрыл ее на ключ, а ключ вытащил и протянул синеглазому. Уф, ну зато теперь я знаю, кто истинный хозяин этой квартиры! В следующую секунду у меня родился новый план. Я ломанулась навстречу синеглазому брюнету и с диким криком: «Любимый! Прости меня!» – прыгнула ему на шею и осыпала горячими поцелуями. Тот несколько секунд стоял совершенно неподвижно, пораженный моей эмоциональностью (хотя кто знает, может, ему понравились мои лобызания?), а затем совершенно бесцеремонно сбросил меня со своей чахлой груди. Хорошо еще, что он выстоял под напором моего веса, иначе мне бы пришлось снова бултыхаться на полу.

– В чем дело? – строго спросил он. – Кто вы такая? Почему вы сидели в моем шкафу? Как вы попали в мою квартиру?

Совершенно справедливо рассудив, что на все вопросы одновременно я не могу ответить, я выбрала наименее без-

опасный для себя вариант и призналась:

– Меня зовут Настя...

– Очень приятно, – внезапно пробормотал альбинос.

Наверное, он был воспитан лучше остальных. Я благо-
склонно на него взглянула и снова обратила свое лицо в сто-
рону синеглазого.

– Любимый, – с пафосом воскликнула я, – мне очень
неловко за свое поведение, но я больше не могла этого скры-
вать!

– Чего – этого? – Брюнет попятился в сторону, нащупал
стену сзади себя и прислонился к ней.

– Того, что я люблю тебя, – гордо сообщила я, – того, что
больше не могу жить без тебя!

Как хорошо, что в юности я ходила в театральный кру-
жок! Нас там научили некоторым тонкостям. Например: что-
бы произнести фразу и вложить в нее сильные чувства, надо
мысленно представить человека, который вызывает у вас по-
добные чувства. Я так и сделала, вспомнив последнего сво-
его любовника Александра. Я действительно испытывала к
нему сильные чувства. Этот негодяй разбил мою машину и
ушел от меня, предварительно забрав записку, которую я от-
кладывала на новую тачку. Попадись он мне сейчас, я бы рас-
терзала его без всяких нравственных колебаний.

Но дальше – о ужас – я совершила жуткий промах, уж
слишком вжилась в образ.

– Сашенька, любимый, я тоскую без тебя, – ляпнул мой

язык, и я заткнулась, сообразив, что подписала себе смертный приговор. Сейчас они поймут, что я наглая врушка, и...

Но ничего не произошло. На мою голову не обрушился мощный удар кулака. Просто трое мужчин смотрели на меня не отрывая глаз. Да уж, могу представить, как эта сцена выглядела со стороны! В любой другой момент я бы только порадовалась, что стала центром внимания одновременно трех мужчин. Но сейчас радоваться особо было нечему. Хотя нет – синеглазый оказался тезкой моего бывшего возлюбленного, поэтому я окинула троицу благосклонным взглядом. Мне стало смешно. Ну и ладно, пусть я влипла в совершенно дураскую ситуацию, из которой пока не могу найти выхода, но зато впоследствии я буду рассказывать о ней детям и внукам, и мы все будем покатываться со смеху. А то ведь как живут другие люди? Скучотища одна! Все дела и роли давно расписаны, все по часам, по правилам и «как у людей». Брр, с тоски сдохнуть можно. У меня же все совсем по-другому. Кто-то насмешливо фыркнет и назовет меня неудалой и никчемной. Еще не так давно я бы предпочла согласиться с этим, но теперь предпочитаю называть это иначе. Я – необычная девушка, и этим все сказано.

– Видите ли, – начала я, понимая, что лучше сразу сляпать историю и вывалить ее на головы изумленных мужиков, нежели рассуждать о своей необычности. – Видите ли, – повторила я, – я давно уже люблю Сашу, но вот никак не могла решиться познакомиться с ним. Но вот сегодня не выдержи-

ла – залезла через балкон, хотела записку оставить, ну, любовное послание...

– Вообще-то здесь третий этаж, – перебил меня брюнет с черными глазами. Он смотрел на меня с искренним интересом.

– Для любящего сердца нет преград, – высокопарно изрекла я и продолжала: – А тут вы явились, я испугалась, не знала, что делать, – а вдруг ты женат (я посмотрела на синеглазого), и у тебя будут неприятности! И я решила спрятаться в шкаф.

Для большей наглядности я повернулась к шкафу, из которого торчало скомканное пальто, а сломанная вешалка аккуратно громоздилась на полу. Прекрасно осознавая, что мой сентиментальный рассказ может тронуть только романтическую старушку, обожающую любовные драмы, я, тем не менее, остановилась на этой версии. В сложные моменты моя голова начинает соображать как-то особенно быстро, так что судить о том, хорош этот план или нет, уже поздно. Да и другого варианта не было. Не могла же я представиться страховым агентом или мастером, который проверяет счетчики! В крайнем случае можно было бы соврать, что я – соседка снизу и у меня потоп. А так как дверь никто не открывал, я залезла в квартиру, чтобы перекрыть воду и спасти свою квартиру от разрушений. Однако в таком случае надо, чтобы совпало сразу несколько условий: хозяин этой квартиры не должен быть знаком с соседкой снизу, что маловероятно,

потому что нахожусь я в маленьком городке районного масштаба; в ванной или на кухне у него и в самом деле должна течь вода (а я проверяла квартиру и никакого открытого крана не заметила). Так что мой вариант оказался наиболее удачным. По крайней мере, я все еще так думала. Откуда мне было знать, что... впрочем, обо всем по порядку.

– Значит, говоришь, ты влюблена в Александра? – задумчиво протянул черноглазый. – И давно?

– Давно. – Я гордо и с вызовом вскинула вверх подбородок.

– Значит, ты пришла к нему в гости? – все не унимался он.

– Ну, не совсем в гости, – обиделась я, – в гости ходят через дверь. Я хотела выглядеть романтичной, понимаете? И к тому же откуда мне знать, может, пришла его подружка? Я только собиралась написать ему записку, и вдруг услышала, как поворачивается ключ в замке. Вот почему я спряталась в шкафу – не хотела мешать счастьем любимого!

Я чуть было не смахнула мнимую слезу. Мне казалось, что все вышло довольно складно и даже очень правдиво. А что тут такого? Очень романтично, в старинных традициях. Правда, там мужчины лазали по балконам и пели под ними же серенады, а нынче и девки такие пошли, что коня на скаку остановят, не говоря уже о том, чтобы залезть на третий этаж по пожарной лестнице, а потом перебраться с нее на балкон.

– Не хотела мешать счастьем любимого, – тупо повторил белобрысый парень и вдруг покатился со смеху.

Через секунду оба брjunета, переглянувшись, тоже расхохотались. Смеялись они довольно долго.

– Что смешного? – не выдержала я. – Разве любовь – это смешно? Я понимаю, что в предыдущие века к этому чувству относились куда более уважительно, однако и в наше время нельзя смеяться над искренними, чистыми отношениями!

«Мой» брjunет открыл рот, явно намереваясь что-то сказать, но смуглый товарищ его перебил.

– Сань, давай я провожу девушку и сам ей все объясню, хорошо? – предложил он.

Я попятилась. Куда он меня проводит? Обратно к балкону? А вдруг он маньяк? Сделает вид, что провожает меня до двери, подведет к выходу и тyкнет по голове своим увесистым кулаком... Или все гораздо проще и черноглазый говорит про милицию? Меня сейчас поведут в милицию, где я долго и нудно буду объяснять, что вовсе не воровка? Мои глаза наполнились слезами. Ну и ну, кто мне поверит, если я расскажу всю эту историю полностью? Только такая полная дура, как я, могла так нелепо попасться. Мне внезапно пришло в голову нечто такое, от чего я охнула, привалилась к стене и выпучила глаза.

– Эй, с тобой все в порядке? – посочувствовал белобрысый. Похоже, парень был единственным из троицы, способным на человеческие чувства.

Черноглазый смотрел на меня с подозрением, будто пытался уличить в чем-то. А что, и в самом деле, может, мне

прикинуться больной? Сказать, что у меня ужасно болит... желудок, например. Хотя нет, воровка с язвой – это что-то в духе О. Генри. Это у него есть рассказ про то, как вор подружился с хозяином облюбованной им для воровства квартиры и они делились советами, как избавиться то ли от радикулита, то ли от ревматизма. Или сделать вид, будто у меня больное сердце, и я сразу умру прямо в прихожей Сашулиной квартиры?

– Антон, что делать будем? – внезапно завопил Александр.

Ага, значит, черноглазого зовут Антоном. Имя белобрысого как самого невинного из всех присутствующих меня интересовало мало. Самый опасный из троицы – именно Антон. Не напрасно же он щупает меня колючим взглядом черных подозрительных глаз... Сашуля, хоть и выглядит строгим, смотрит на меня с доверчивым любопытством. Эх, если бы Антона не было здесь, я моментально навешала бы на уши лапшу хозяину квартиры и альбиносу!

– Все в порядке, – процедила я, – просто сердце схватило...

– Пойдем на кухню, я налью тебе воды. – Антон вцепился в мой локоть железными пальцами и повел на кухню. Там он довольно грубо толкнул меня на диванчик и достал из холодильника пузатую бутылочку минералки. – Надо же, такая молодая, а уже неприятности с сердцем!

Я усердно пила, не обращая внимания на его сарказм, хо-

тя пить мне совсем не хотелось, но зато можно было взять пару минут на размышление: что же мне делать дальше, что говорить? В любовь-морковь, очевидно, мужчины не поверили. Почему – мне предстоит выяснить. Самой же мне, когда я вдруг ахнула, пришла в голову совершенно невероятная идея: а что, если это Светка подставила меня так гнусно? Она знала мою страсть к нелепым поступкам и ничуть не сомневалась, что я поспешу ей навстречу по первому ее зову. И вовсе не для того, чтобы помочь ей, а для того, чтобы лишний раз доказать, что ее муж – не исключение, а скорее правило.

Дело в том, что пару недель назад по электронной почте мне пришло письмо. Я уже собиралась выключать компьютер, но вдруг получила весточку от сестры. Сначала я решила стереть ее письмо не читая – кто знает, какие очередные гадости она припасла для меня? Но потом любопытство все же пересилило. За время нашей разлуки Светка написала мне всего один раз – и то лишь затем, чтобы похвастаться своим толстощеким младенцем, который беззубо улыбался в кадре. «Вряд ли ты поймешь глубину моего счастья, – писала тогда сестра, – ведь тебе не суждено стать женой и матерью...» Теперь понятно, почему я открывала ее нынешнее письмо с откровенной неохотой и брезгливой миной на лице? Не ожидая ничего, кроме очередных гнусностей, я вчитывалась в компьютерные строки. Чем дальше я читала, тем быстрее брезгливость уходила из моих глаз, даже наоборот,

взгляд стал острым и заинтересованным. Чтобы осознать написанное, мне пришлось перечитать письмо два раза, выйти на балкон покурить, затем снова прочитать письмо и, наконец, полностью погрузиться в свои мысли. Я ожидала подвоха и очень удивилась, когда не обнаружила его. Даже, можно сказать, разочаровалась. Однако предложение, выдвинутое сестрой, мне понравилось. И в самом деле, кому не захочется уличить собственного зятя в измене? Особенно – учитывая всю остроту наших со Светкой отношений? Она писала, что у нее есть глубокое подозрение: ее муж ей изменяет в то время, когда она отсиживается с ребенком на свежем воздухе в загородном доме. Муж навещался к семье только по выходным, жаловался на обилие работы, однако сестрица моя умудрилась почуять неладное. Теперь она просила меня убедиться в том, что ее муж и вправду гуляет на стороне и привезти ей некоторые доказательства. В свое время она вышла замуж за обеспеченного человека. Но жил он не в столице, где родились мы с сестрой, а в дальнем Подмосковье. Мне предлагалось приехать в их уездный городок и проверить ее гипотезу. С одной стороны, мне было лень покидать Москву – как и любая москвичка, я считала дальними провинциями все, что находится за МКАД. А с другой стороны, мне и вправду хотелось застать ее мужа с очаровательной инженером в самый пикантный момент, сделать пару фотографий своим цифровиком и, мило улыбнувшись, выложить Светке карты на стол. Так что отказаться я не могла, хотя бы

потому, что хотела утереть нос сестре. В тот момент меня не слишком занимал вопрос, который должен был прийти в голову самым первым: почему при всех особенностях наших с ней отношений Светка обратилась ко мне, а не, скажем, в детективное агентство? Чего бы, казалось, проще – позвони частному детективу и попроси последить за мужем? Тогда не будет никаких шансов, что старшая сестрица узнает о проделках зятя и станет посмеиваться и жалеть младшенькую! Но я, словно гончая, которая идет по следу лисицы, об этом даже не подумала. Мне очень хотелось подтвердить правоту Светки, как бы некрасиво это ни выглядело с моей стороны. Видимо, на это и был расчет с ее стороны.

Вот почему я так напряженно искала следы пребывания посторонней женщины в этом доме. Очень жаль, что до меня не сразу дошла простая мысль: даже если я не найду следов сожительства мужа сестры с кем бы то ни было, уж детские вещи должны здесь находиться! Пусть большую часть своего гардероба сестра забрала с собой в загородный дом, но ведь не все до единой игрушки, не все ползунки и памперсы перекочевали туда же! Вывод напрашивался только один: я ошиблась. Я случайно попала в чужую квартиру! Во всем виновата моя романтическая натура: вместо того чтобы позвонить в дверь двадцать четвертой квартиры и дожждаться, пока мне не откроет зять, я полезла по пожарной лестнице, решив, что правильно высчитала нужный балкон. Может быть, я сделала это опять же из чувства внутреннего противоре-

чия. Светка особенно напирала на то, что я должна появиться в их городской квартире либо поздно вечером в пятницу, либо с самого утра в субботу. По ее мнению, это было самое подходящее время для того, чтобы выявить любовницу Георгия. Но я, как обычно, решила все сделать по-своему... И что теперь? Я попала в совершенно дурацкую ситуацию: если я расскажу все это, мне никто не поверит, даже альбинос! И потом мне пришло в голову, что Светка все подстроила намеренно. Она прекрасно знала мою натуру и понимала, что я не упущу своего шанса поиздеваться над ней. Ну как же, разве это не доставит мне радости – знать, что у моей идеальной сестры в ее идеальной жизни далеко не все так идеально? Так вот, она решила лишний раз посмеяться над мной. Я буду думать, что получила шанс покрасоваться перед ней, а на самом деле она меня попросту подставила. Вероятно, ей скучно там, на даче, с толстым сынишкой, вот она и развлекается. Она запросто могла указать мне не тот адрес! Хотя, с другой стороны, разве она могла додуматься, что я полезу через балкон? Черт, что же мне делать?

Вода в бутылочке закончилась, Антон с нетерпением ждал, что же я отвечу, при этом на кухне появились и остальные участники трагикомедии, а я все не могла придумать, рассказывать мне про Светкину каверзу или нет. Меня могло спасти только одно: присутствие среди мужчин Светкиного мужа, Георгия. В крайнем случае мне бы пришлось униженно повиниться, но я хотя бы не рисковала собственной

жизнью. Как сейчас, когда обнаружилось, что Гоши здесь нет. Откуда я знаю, почему они засмеялись и не поверили мне, когда я рассказала, что влюблена в Александра? Видимо, мне придется придерживаться этой версии.

– Ну так, может, ты расскажешь, наконец, что здесь дела-ла? – раздраженно спросил Антон.

– Я уже рассказала, – невинно захлопала я ресницами. – Что еще вам надо? Почему вас не устраивает мой рассказ? И почему, наконец, вы обращаетесь ко мне на «ты»? Мы с вами вместе не учились и собутыльниками не были.

В глазах Антона мелькнули веселые искорки, он внимательно осмотрел меня и вогнал в краску. Да знаю я, знаю, что девушки с моим весом не должны носить коротких юбок, не говоря уже о шортах. Но что поделать, если в длинных юбках забираться по пожарной лестнице не слишком удобно? А в брюках попросту жарко, да к тому же ими можно за что-нибудь зацепиться. Поэтому этим утром я надела симпатичные белые шорты. Совсем забыла, что белый цвет полнит. Антон рассматривал мои ноги с брезгливым недоумением, так что я невольно забилась подальше, в недра дивана, стоящего полукругом возле стола, чтобы спрятать хотя бы часть своих телес под обширный обеденный стол.

– Это неудачная версия, – покачал головой Антон. Возникло такое чувство, будто в этой квартире было позволено разговаривать лишь ему и иногда – мне. Те двое стояли молча и изредка на меня поглядывали. – Придумай что-нибудь

другое.

– Почему – неудачная? – вскинулась я. – По-моему, очень даже ничего... Хотя, возможно, такому человеку, как ты, кажется нелепым высокое чувство. Такие, как ты, весело проводят время с красотками в постели, а наутро забывают про них. Ты, конечно, никогда в жизни не любил и не мучился от безответного чувства, не рыдал в подушку и не писал любовных записок. Твоему каменному сердцу это просто недоступно! Но если ты не испытывал ничего подобного, это не значит, что остальные – такие же непробиваемые, как и ты.

Я подумала, что уже ничего не теряю и если он «тыкает» мне, то и мне нет смысла обращаться к нему вежливо, на «вы».

Ого, я почти полностью вжилась в роль. Теперь осталось только выпрыгнуть из-за стола и встать около Александра, ведь именно его я якобы люблю. Но мне совершенно не хотелось вновь подвергать свои ноги тщательному осмотру.

– Я рад, что ты так легко читаешь по лицам, – ответил Антон, – но только ошибочка вышла. В нашем городе все отлично знают Александра.

– Ну и что? – не поняла я.

– И знают о его сексуальных предпочтениях, – довольно туманно продолжил он.

Я все еще ничего не понимала.

– Саша – гомосексуалист, – видимо понимая, что я все еще пребываю в неведении, закончил Антон. – Соответ-

ственно, ты не могла сделать его объектом своего вожделения: как правило, никто из девушек не влюбляется, если знает, что любовь останется безответной и непонятой.

Проклятие! Только такая дуруха, как я, могла попасть в квартиру к гомосексуалисту! И почему нынче почти все красивые мужчины предпочитают других красивых мужчин, а не хорошеньких женщин? Насколько мне известно, в нашей стране и так мужчин гораздо меньше, чем лиц женского пола, поэтому крайне сложно найти себе пару. Особенно если учесть, что чуть ли не треть мужчин, которых и так можно назвать вымирающим видом, переметнулась на сторону бойцов голубого фронта. Наверное, если бы я действительно была влюблена в Александра, мне сейчас было бы очень горько и обидно. Пожалуй, я бы даже стала тихо ронять слезы или, наоборот, рыдать во весь голос с истерическими подвываниями. Но во-первых, я не была влюблена в этого человека, мало того, я видела его впервые, а во-вторых, мне все же надо было выкрутиться из крайне затруднительного положения. Поэтому пришлось импровизировать.

– А я не такая, как все остальные девушки, – бодро заключила я. – Мне кажется, что я смогу понравиться Александру, и тогда он снова станет натуралом!

Трое мужчин снова весело рассмеялись. Я прекрасно понимала, сколь жалкими выглядят мои потуги спасти ситуацию. С каждой минутой мое положение становилось все более шатким. Только вот терять мне было нечего, поэто-

му приходилось цепляться за эту версию клещами, пытаться вытащить себя из болота за волосы, как Мюнхаузен.

– А если бы я была не из вашего города и не знала про... ориентацию Саши? – осторожно предположила я.

– Тогда бы ты не смогла влюбиться в него, – парировал Антон. – Ведь любовь предполагает, что ты часто видишь предмет своего вожделения до тех пор, пока не начнешь испытывать к нему нежные чувства. Вдобавок тебе еще надо было узнать, где он живет, уточнить его распорядок дня. На все это требуется время, за которое, конечно, ты бы непременно обратила внимание на то, что в его окружении нет ни одной женщины. А для такого видного мужчины, как Александр, это нонсенс. Это понимаю даже я своим каменным сердцем!

Я закусила губу. Черт побери, он прав.

– Ну ладно, признаю, я действительно не знала, что он предпочитает мужчин... Но я влюбилась в него с первого взгляда! И не собиралась вычислять, когда он появляется дома. Я знала, что по утрам все люди находятся на работе! А для этого мне не требовалось наружного наблюдения за Сашей.

– Опять врешь, – вздохнул Антон. – Саша не сидит в офисе, и уж это ты непременно должна была знать!

– Почему? – немедленно оскорбилась я, все более вживаясь в роль. Мне теперь даже стало интересно. – Ведь большинство женщин не знает, чем занимаются их мужья, а он

мне не то что не муж, но даже и не любовник! Вспомните про маньяков – их жены, все как одна, утверждали, что мужья были в семье ласковыми, нежными и кроткими, как мыши.

– Ладно, – усмехнулся черноглазый. – Тогда скажи-ка мне, где ты увидела Александра впервые? Где-то ты ведь должна была его заметить, верно?

Я замерла. Он смотрел на меня с искренним убеждением, что вот сейчас непременно подловит меня на лжи, и тогда я уже не отверчусь. Я занервничала. Может, этот Александр кто-то особенный, раз его знает весь город? И если он не сидит в офисе, то может быть кем угодно! Но я-то этого не знаю!

– Я видела его несколько раз возле этого дома, – обиженным тоном произнесла я, – когда приходила в гости к родственникам. Я видела его из окна – это устраивает?

– Вполне, – протянул Антон. – А ты хитра... Но вот к каким родственникам ты приходила? Говори их фамилию и номер квартиры, и тогда, быть может, я тебе поверю. И не стану вызывать милицию и обвинять тебя в воровстве.

– Да я ничего не украла, – возмутилась я.

– Не успела, – отрезал он. – Итак?

Я зажмурилась и назвала номер квартиры, в которую должна была попасть, и фамилию Светкиного мужа. Меня могло спасти одно – а вдруг этот самый Саша не так давно живет в доме и не знает всех жильцов пофамильно. А может, провинция тоже давно перешла на московский режим,

и жильцов не интересует, что делается за другими закрытыми дверями в их доме? Хотя нет, на это шансы были слишком малы. Москвичам просто не хватает времени и сил на выяснение подобных обстоятельств, ведь на дорогу до работы тратится уйма времени, а кроме работы, надо совершить массу других полезных дел. Жители же небольших городков и поселков входят в свою квартиру после работы максимум в шесть – в полседьмого вечера, в отличие от большинства москвичей, которые добираются до дома в лучшем случае в девять. Размеренная, неторопливая жизнь, в которой никто не пытается подрабатывать и предпочитает после работы лежать на диване с газеткой в руках, располагает к любопытству. Кроме того, немосквичам не надо подниматься в шесть утра, чтобы успеть к девяти на работу, соответственно, лечь спать можно позже, не в двенадцать, а часа в два ночи, так что остается много времени на общение с соседями и распивание с ними горячительных напитков. Но хватит философствовать по поводу москвичей и жителей других городов! Пора подумать о собственной драгоценной шкурке.

Я приоткрыла глаза и с крайним удивлением убедилась, что Александр кивает Антону и альбиносу. Что это значит? Неужели в этом доме действительно живет моя сестра с мужем и Александр об этом осведомлен?

Я была так поражена этим обстоятельством, что даже не обрадовалась. Если это так, то почему я нахожусь здесь?

– И все же надо бы этот момент уточнить, – испортил всю

малину Антон, который умел быть затычкой в каждой бочке. – Вдруг она просто знает откуда-то фамилию этого человека, а на самом деле не является ему родственницей?

– Антон, да брось ты, – махнул рукой сердобольный альбинос, – давайте отпустим девчонку, у нас дел по горло!

Я издала звук, который при желании можно было принять за согласие со словами белобрысого.

– Мы не можем это так оставить, – перебил его Антон. Он, наверное, в этой троице был за главного.

Саша молчал, безразлично осматривал свои туфли. Туфли были вполне симпатичные, светло-кофейного цвета, из натуральной кожи и явно не дешевые. Не представляю, сколько они могли стоить – меня всегда забавляли люди, с уверенностью утверждающие, что та или иная одежда или обувь стоит не меньше трехсот баксов. Да откуда они могут это знать? С нынешним непонятным ценообразованием, когда турецкий ширпотреб зачастую стоит дороже фирменных вещей, купленных на распродаже, узнать истинную цену может только экстрасенс, посоветовавшийся с бабкой-гадалкой. Конечно, Саша – человек не бедный... К тому же меня не слишком тронуло, что он принадлежит к сексуальным меньшинствам. Я уже давно перестала рассматривать каждого встречающегося мне на пути мужчину как кандидата в мужья. Увы, возраст не тот, и наивность моя осталась в прошлом. Все мои романы заканчивались одинаково или приблизительно одинаково: кто-то из нас, или он, или я, на-

чинал томиться, и это томление проскальзывало во всем – взглядах, поступках, словах – так явно, что невозможно было это терпеть и с этим жить. Иногда я отпускала возлюбленного с трудом, иногда мне устраивали скандалы и истерики, не желая, чтобы я уходила, и все же расставались мы достаточно мирно, без длительных изнуряющих нервотрепок. Да в моей жизни никогда и не было дикой латиноамериканской страсти с воплями: «Я тебя зарежу!» – или угрозами прыгнуть с балкона... Как я ни силилась, не смогла припомнить ни единого мужчины в своей жизни, который вспылал бы ко мне неземными чувствами. Разве что в школе, когда сидящий сзади Колька Белов тянул меня за косички и постоянно развязывал банты... Но было это в четвертом классе, так что и вспоминать нечего. Мне стало грустно. И вправду, совершенно нечего вспомнить. За свои двадцать шесть я ни разу не влюблялась так, чтобы по ночам рыдать в подушку от силы любви, нежности и страсти. Я взрослая, циничная женщина, спокойно заводящая себе любовников и так же спокойно с ними расстающаяся.

С одной стороны, так проще и легче – зачем трепать себе нервы и заставлять сердце испуганно дергаться и съеживаться всякий раз, когда покажется, что твой любимый уже не так страстен и заботлив. А с другой стороны, это чувство очень бы хотелось испытать – а что я, какая-то увечная, что ли? Или недостойная? Неужели мне не дано понять и постичь древнейшее человеческое чувство? Эта мысль, одна-

ко, не придавала мне бодрости. Внезапно мне стало скучно и почти безразлично, что со мной сделают эти малознакомые люди. Я вздохнула и взглянула на часы. Уже пора обедать, вот почему я чувствую себя не в своей тарелке. От мысли о тарелке прибавилось сил. Ну да, я люблю поесть, и что здесь такого? Должны же быть у человека недостатки! Я выгляжу несколько крупнее, чем бы мне хотелось на самом деле, и все же не могу себе отказать в удовольствиях, которых в жизни и так маловато. А одно из этих удовольствий – еда, как это ни банально. Мне кажется, на самом деле очень многие люди любят вкусно поесть, но почему-то этого стесняются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.